

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 51 (2262).

Суббота, 15 декабря 1945 г.

Цена 45 коп.

1 стр. Л. Пасынков. Право на творчество. Я. Белинский. Сербский язык. Веселый мир (стихи). По Советской стране. В школе имени К. А. Тренева. Всесоюзное совещание по охране авторских прав. Исследования горских кавказских языков. Подготовка к выборам в Верховный Совет СССР. 2 стр. В. Ермилов. Испытание миром. Сергей Марков. Необъятный простор. М. Ильин. Образ страны. 3 стр. К. Зелинский. Два очерка истории туркменской литературы. И. Гринберг. Великодушные и непримиримые. Г. Бровман. В поисках нового. Н. Емелин. Первопутек. Петух (стихи).

4 стр. А. Таглиц. Кришян Валлемарс. А. Раскин. Пародии. Т. Мотылева. Последняя книга Ромэн Роллана. В ССП СССР. Новые авторы и новые песни. Стихи Сергея Маркова. Творчество Льва Кондырева. Информация. Вечер памяти А. Фета. В издательстве «Советский писатель». Госиздат Белоруссии в 1946 году. В несколько строк.

ПИСАТЕЛЬ В ГАЗЕТЕ

Живая связь писателя с газетой освещена глубокой и славной традицией. С давних времен писатель находился в газете...

респонденты больше занимаются фотографированием, чем живописанием. Некоторые из них поэтому ближе к натурализму, чем к реализму.

По никому и нигде работа писателя не была так тесно связана с газетой, как в Советской стране. Советская газета, памятник агитатор и великий коллективный организатор...

Разве это не относится прямо к мастерам художественного слова и разве эти слова не служат еще одним косвенным напоминанием о важности участия писателя в газете?

Работа писателей в газетных редакциях принесла неоспоримую пользу армейским и тыловым газетам и в свою очередь творчески обогатила писателей.

На редакционной ленточке в одной из среднеазиатских газет выступил известный писатель республики. Он сказал: «Горький упрямцев русских лириков в том, что если им не о чем писать, то они обязательно пишут о «березке».

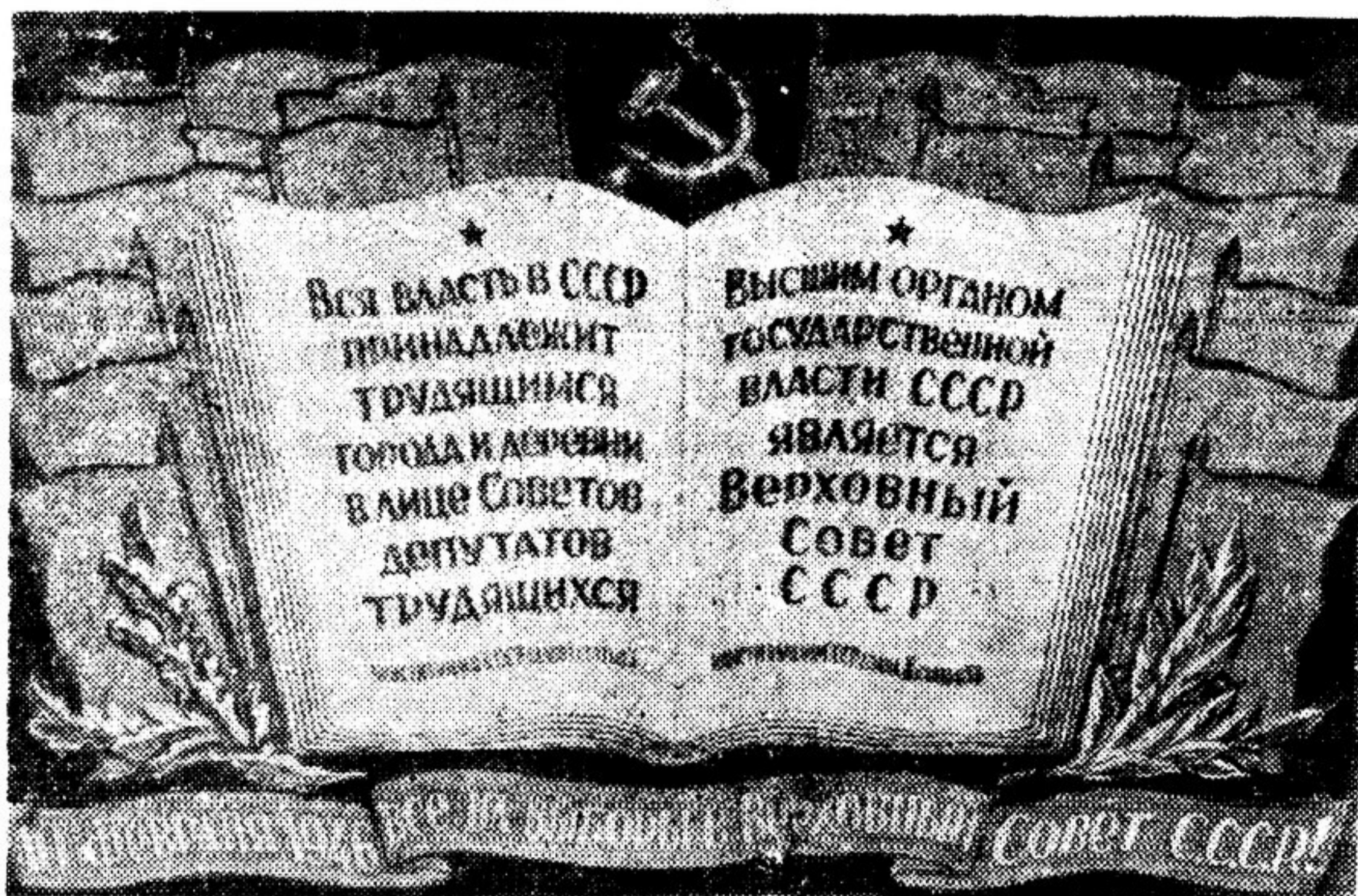
В мирных условиях значение работы писателей в газете не уменьшалось. Обширный круг морально-политических проблем, которые должна поставить газета и на которые может дать ответ в первую очередь писатель.

Иногда случается, когда руководители республиканских газет тесно обращаются к Союзу писателей за помощью в получении какого-либо литературного материала.

В беседах с корреспондентами газеты «Известия» и Всесоюзного Радиокомитета М. И. Калинин говорил:

Обобщая значительные задачи писателя в газете в дни подготовки и проведения выборов в Верховный Совет СССР. Создать портреты лучших людей страны, которых народ угадывает своего доверия; поставить свой талант и умение на службу претворительной агитационно-пропагандистской работе.

Постоянная и тесная связь с жизнью — залог плодотворности писательского труда. А одна из важных предпосылок прочности этой связи — дружба с газетой, постоянство участия в ее большой, живой и важной работе.

Плакат работы художника В. Ливановой. Издательство «ИСКУССТВО».

По советской стране

В ШКОЛЕ ИМЕНИ К. А. ТРЕНЕВА СИМФЕРОПОЛЬ. (От наш. корр.). Средняя женская школа № 11 носит теперь имя К. А. Тренева.

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ОХРАНЕ АВТОРСКИХ ПРАВ. Вчера в Москве открылось всесоюзное совещание руководителей работников Управления по охране авторских прав...

Коллектив учащихся и преподавателей школы готовится к литературному вечеру, посвященному памяти К. А. Тренева. Драматический кружок школы вместе с участниками драматического коллектива одной из мужских школ подготовила отрывки из пьесы «Любовь Яровая».

На совещании прибыли директора республиканских отделений и управляющие крупнейших областных представительств. В совещании примут участие представители писательской и музыкальной общественности.

НАКАНУНЕ ЮБИЛЕЯ ГАБУДУЛЫ ТУКАЯ

КАЗАНЬ. (От наш. корр.). Общественность Казани деятельно готовится к 60-летию со дня рождения великого татарского поэта Габдуллы Тукая.

НА РОДИНЕ ПОЭТА ДРОЖИЖИНА КАЛИНИН. (От наш. корр.). 24 декабря исполняется 15 лет со дня смерти Спиридона Дрожжина.

На родине поэта идет подготовка к предстоящему юбилею. В рабочем поселке Завидово восстанавливается Дом-музей поэта, пострадавший в период немецкой оккупации.

ПУШКИН И ЧЕХОВ НА БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

УФА. Башкирское государственное издательство выпустило на днях избранный том рассказов А. Чехова и сборник басен И. Крылова на башкирском языке.

ИССЛЕДОВАНИЕ ГОРСКИХ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

ТБИЛИСИ. (От наш. корр.). Исследованием горских кавказских языков занимается в Грузии Тбилисский государственный университет им. Сталина.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

ПЕНЗА. (От наш. корр.). На последнем заседании Секции по изучению литературы мест обсуждался доклад А. Храбровицкого (редактора пензенской газеты «Сталинское знамя»).

БУРЯТСКИЙ ФОЛЬКЛОР НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

СРАТОВО. (От наш. корр.). Бурят-монгольский писатель А. Уланов вместе с писателем А. Матвеевым занимается переводом бурятского фольклора на русский язык.

ЧУВАШСКИЕ ПЕСЬИ

ЧЕБОКСАРЫ. (От наш. корр.). При Управлении по делам искусства недавно создан художественный совет. На первом заседании совета были заслушаны доклады о репертуарном плане чувашских театров на 1946 год.

ПЕРЕВОДЫ РУССКИХ КЛАССИКОВ

ВИЛЬЯНС. (От наш. корр.). Недавно вышли на литовском языке «Басни Крылова». В настоящее время поэт Казис Борута впервые переводит на литовский язык «Бориса Годунова».

Подготовка к выборам в Верховный Совет СССР

НА СОБРАНИИ В ИНСТИТУТЕ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

Состоялось собрание актива Института мировой литературы им. А. М. Горького по выдвижению кандидатов в члены избирательной комиссии 8-го избирательного участка Краснопресненского района. Выдвинуты: проф., доктор филологических наук И. Розанов, кандидат филологических наук доцент А. Елистратова.

ЭСТРАДНЫЙ СБОРНИК ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Издательство «Молодая гвардия» в связи с подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР выпускает сборник «Молодежная эстрада».

ЧЕТЫ И АГИТАТОРЫ В ТУНДРЕ

ИЖМА. (От наш. корр.). В Ижмской тундре, к оленьим колхозным стадам, идущим на зимние пастбища, выезжают пастухи и специалисты-оленьеводы.

ПРЕДГОТОВКА К ВЫБОРАМ

В Бурятии вступают в силу постановления ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР о подготовке к выборам в Верховный Совет СССР.

Сербский язык

Твердил я сербского складу, Учил я сербский стих. Как сербские слова тверды, Как мало гласных в них.

Когда в штыхы идет отряд, По-сербскому — «на нож». Я попал трудный их язык, Народа дух открыв. Язык, разный точно штых: Срб Срт Крв. г. Ниш, Югославия.

Веселый мир

Меда косматая пурга, Больших холмов трещали лбы, И месяц медные рога. Пригнула, как опслепленный бык.

Но ты вошла, как теплый луч. Как светлый луч, твои глаза. Дыла дылой «Соборный» клев. Морозы пятлился назад, Холодные пласты снега. Пошли, качаясь, как стада, И меж ледовых берегов. Запела юная вола.

И звери превращались в косты, И звери беспомощные рты, И птицы рушились вкося, Своей пты последний прочтыви.

И птицы подняли хребты, И звери выгнули хребты, И ледоколы напролом. Пошли, лишь унылоулась ты. Гремя зеленою листвою, Пялся и пел веселый мир... Так повстрелился мы с тобой, Так наступил конец зимы!

Право на творчество

До Великой Октябрьской социалистической революции один закон сохранял неизменную силу — слова поэта противоречили тому скромному, мало заметному месту, которое отводили ему властители жизни.

Но они были «угловыми жильцами», а для общественной, утверждаемой сыне жизни даже квартирантом был ничто. В деревне волостными начальниками и судьями — казими — избирались также владельцы хороших домов, правды, царская власть их не ласкала, и кто побогаче, тот обладал десятой частью голоса, а кто по бедней — долей одной «Соборный» клев.

В горах Дагестана шейхи, пытавшиеся даже «Сорок правил повелевая» уложить в стихи, поддерживали духовному юнцу алимов, которая читала только старыми арабскими книгами, ничего не брала у жизни и нирнем не могла служить, нарочито творчество.

Ныне в Казахстане, где есть много фольклора и мало успевающих от старого времени имен, мы хорошо знаем не только творчество Джамбула, но и многие произведения Шамшуба, Калка, Наргата. Забыты очень многие песни былой Киргизии, но спасен от забвения Токтогул, и это потому, что он жил в советские дни.

И творческий путь поколений бесчисленного количества поэтов многих народов стал победоносным и мертвому руслу, когда-то продолженному живым рекою. Когда слушали песни, составлявшие по искусству из разных, хотя и оторванных по настроению произведений, лишь досада, что тут слышлось много вдохновения, что эта песня подобна куску известняка, следу бывшей жизни. Знакомые с фольклорным произведением, не думаясь о том, как сложилось условия жизни человека, создавшего эти строфы.

Давгестанские алимы сотни лет перепевали струны корана, а теперь Дагестан знает своих национальных поэтов. По стихам Абдул-Вагаба Сулейманова сразу чувствуется, что он кумык. Это же можно сказать о стихах Анвара Алджиева и Алтая. Аварец Гаджиев воспел ГЭС горного Гергебля, его огромные машины, его героические строители. Два лексика поэта, молодой Юсуф Халпалатаев и старик Абдулгули Габуров, впервые подняли свое с ласковой Лагестана, лакей, пишет стихи, которые вносят в учебники для кумыкских детей. Аварец Гамзат Цадаза известен всему Союзу. Великая Сталинская Конституция дала поэтам всех народов нашей родины право на свободную жизнь и свободное творчество.

Стороны любви статья «Как происходили выборы в Туркестане до революции», начатая на днях в «Повале Востока». Народы, населяющие Туркестан, знали своих ученых, своих математиков, географов, певцов, мастеров орнамента, астрономов, врачей, составителей арабо-авантиской фармакологии и т. д., но выборный ценз человеку давал только... домовладение. Во главе городской думы стоял не избранный городской голова, а чиновник, назначенный военным губернатором; избирать можно было только гласных, и избирали они только домовладельцы... — вряд ли среди них был хотя бы один поэт.

Мы получаем книгу за книгой на совершенно новые темы. Таков недавно вышедший альманах «Литературный Таджикистан». Это же можно сказать о казахском альманахе, о серии киргизских сборников, Люди из кишлаков и аялов живут всеми интересами мира, они стали виднейшими гражданами советской страны. Никто не сможет отнять у наших братских народов их литературу, потому что никто не сможет отнять у них их светлой, созидательной Конституции.

Литературная жизнь города Горького

Недавно писатели, живущие в городе Горьком и области, собрались на совещание. Обсуждалась работа писателей-горьковчан.

В период Отечественной войны в частях Действующей армии успешно работали поэт М. Шестериков, критик Б. Рюриков и А. Елистратов, награжденные орденами и медалями Советского Союза. Смерть храбрый пал в бою молодой даровитый поэт Иван Рогов. Тяжелую инвалидность получил поэт Б. Пильник. Интенсивно работали и писатели, оставшиеся в тылу.

Значительным событием последних двух лет в литературной жизни Г. Горького было появление романов В. Костылева «Москва в походе» и «Море» (из трилогии «Иван Грозный»).

Серьезной критике была подвергнута на совещании повесть Г. Федорова «Муромская слава», вышедшая в этом году в Военмориздате и в Горьковском издательстве. Г. Федоров — опытный и своеобразный писатель. В его повести, изображающей гражданскую войну на Волге, показаны живые люди с их индивидуальными чувствами и переживаниями. Однако образ главного героя повести — командира матросского отряда Степана Бардина не удался Федорову. Автором романтизируются собственные герои недисциплинированности и своеволия. Язык повести перегружен вульгаризмами. Сейчас Г. Федоров подготавливает к печати книгу рассказов «На освобожденной земле».

В повести А. Романова «Испытание» изображен советский тыл (Г. Горький, Сормово, Волга) в первые месяцы войны. Автор стремился показать отзывчивость советских людей, их самоотверженность, проявляющуюся в дни тяжелых испытаний первого периода Отечественной войны. Но на повести ошутим налет сентиментальности, она написана несложно, натуралистично, авторские сентенции наивны. В местном издательстве вышла в прошлом году небольшая книжечка — очерк А. Романова «Жизнь за отчизну». Очерк посвящен описанию жизни и бессмертного подвига Героя Советского

Большую активность проявляют в последние два года горьковские литераторы старшего поколения, работающие главным образом в мемуарно-историческом жанре. Значительной является подготовляемая к изданию работа А. Гриневичкой «Жизнь В. Г. Короленко». А. Гриневичка — автор двух книг о Короленко, вышедших в Горьковском издательстве несколько лет назад.

Книгу под названием «Бытовые зарисовки Н.-Новгорода XIX века», составленную на основе архивных документов и газетных корреспонденций, закончил Д. Смирнов.

В мемуарах «Дела и люди старого города», написанных старейшим горьковским журналистом Ф. Хитровским, знатоком истории сохоловства на Волге и быта волгари, перед читателями прохаживают купцы-солодовомышленники, пристанские приказчики, грузчики, боски, прототипы героев произведений Горького, миллионеры Гордей Чернов, Бугров, Рукавишников.

В скором времени Областное издательство выпустит книгу басен поэта-колхозника Рослова. В прошлом году общественное Горьковское отделение отмечало 35-летие литературной деятельности поэта, и колхозу, где живет Т. Рослов, было присвоено имя баснописца. Подавляющее большинство басен написано на темы из колхозной жизни.

Молодой поэт Сергей Кириллов пишет лирические стихи на темы любви, верности, привязанности к друзьям, к своему городу. Этими двумя именами, пожалуй, и ограничивается перечень «действующих» поэтов. Остальные поэты пишут крайне редко, а то, что публикуется в газетах и альманахах, не выходит за рамки ординарных, гладко написанных стихов.

Выступавшие на совещании писатели справедливо говорили о недопустимом молчании критиков.

ГОРЬКИЙ. (От наш. корр.)

Освобожденная золотая Прага, очищенная от гитлеровских мерзавцев, радость, светлыми волнами заливающая улицы прекрасного города, триумфальная встреча освободителей — воинов Красной Армии, всеобщее восхищение и преклонение перед героическим подвигом советского человека, друга и защитника всех славянских, всех свободных народов, самоабвенное веселье карнавала, национальные костюмы, цветы, сверкающие глаза девушек.

В этой атмосфере праздничного счастья, под каштанами Праги, растаяла душа почтенного доктора медицины, профессора Прохазки, одного из героев новой пьесы Константина Симонова «Под каштанами Праги», поставленной на сцене Театра имени Ленинского комсомола.

Она, эта душа, «устала» от шести лет кровавого террора, от ожесточения, от карантина зла, внесенного в мир чудовищным фашизмом. И взгляд доктора Прохазки с надеждой и благодарностью устремляется к картинам добра и мира.

Впервые за шесть лет старый доктор подышал вместе со своим единственным другом, товарищем юности, паном Грубеком, и ему хочется всех простить, всех обнять в этот сияющий день.

Доктор Прохазка искренно любит своего родного, он честный и нетрусливый человек. В те времена, когда до уклада борьбы было еще очень далеко, он укрывал в своем доме советского парашютиста, оказавшегося теперь полковником авиационных войск Петровым. Старший сын профессора Стефан сражался бок о бок с Красной Армией против фашистов в рядах чехословацкого корпуса, младший сын Людвиг — смелый семнадцатилетний юноша, преданный родные и свободе. Дочь профессора, пани Божена, просидела два года в концлагере за «оскорбление» гитлеровского прохвоста. Она бежит из лагеря вместе с русской девушкой Машей, радостной, сержанткой Красной Армии, инициатором победа. Профессор Прохазка скрывает в своем доме советскую комсомолку.

Да, он не боится укрывать в своем доме разных людей! Скрывает у него и известного чешский поэт, пан Богуслав Тихий, участник боев в Испании, убивший гестаповца, который пришел арестовать его. Не боится профессор укрывать у себя и друга своей юности, пана Грубека. О пани Грубеке он знает то, что Грубек сам рассказывает о себе: Грубек — человек «крайне правых убеждений», но он — «честный чех», не сотрудничавший с немцами. И вот он вынужден прятаться от немцев. После освобождения Праги Красной Армией он, как оказывается, вновь принужден скрываться: теперь уже от «левых партий». Хотя, дескать, он и не сотрудничал с гитлеровцами, все же его «противники из левых партий», как он полагает, не премнут «свести с ним счеты».

Полковник Петров не верит Грубеку. И его недоверие оправдывается.

Верный товарищ Богуслава Тихого по боям в Испании, черногорец, недавний узник гитлеровских лагерей, лишенный звания фашистскими палачами, заходит в дом доктора Прохазки. Он возвращается в свою Черногорию и решил по дороге проведать поэта. Его знакомят с обитателями профессорского дома. Голос пана Грубека показался ему знакомым. И, мучительно напрягая память, он вспоминает, что этот голос принадлежал Гробицу, фашистскому полковнику, главному инженеру завода в Моравакском Остраве, завода, на котором сотни невольников разных наций работали на немецких рабовладельцев.

У пана Грубека есть, оказывается, вторая фамилия. Он — сын судетской чешки и чеха, но важно не это: важно то, что Грубек — фашист, а чешские фашисты ничем не лучше немецких, как замечает полковник Петров.

Младший сын доктора Прохазки Людвиг, солдат Национальной гвардии, должен вместе с товарищами арестовать пана Грубека. Он скрывается за дверью в комнате, занимаемой Грубеком. Но матерый фашистский зверь сразу разоблачил в происходящем шутку. До зрителя доносится позорительный шум из комнаты Грубека, после чего сам Грубек, краснея, выходит из двери. Он хочет бежать. Но все выходы закрыты далеко. Он арестован. Ему дается незаметно проглотить яд. А доктор Прохазка рыдает над трупом своего младшего сына, убитого Грубеком.

Да, прав советский офицер Петров, когда он говорит, что закончилась открытая война. Фашизм разгромлен в открытом бою, но не добит. Фашисты убивают из-за угла, они надевают разные маски, в том числе и маски «дружбы юности». Доктор Прохазка на своем опыте убедился в том, что за «сталастью» души, размягчение, беспечную доверчивость приходится платить слишком дорогой ценой.

Помимо этой главной сюжетной линии, в пьесе К. Симонова есть и другие мотивы. Но мы хотим подчеркнуть главное.

Мы отнюдь не закрываем глаза на художественные слабости пьесы. К их числу относятся схематизм в описании и расстановке фигур, кажущая из которых как бы «сдвигаются» ту или иную политическую группировку. Перед нами скорее пьеса драматических положений, чем пьеса глубоко и тонко.

детально разработанных, индивидуализированных характеров. Нельзя не указать и на пестроту стиля, недостаточную художественную цельность, — как будто автор проубил разные художественные почерки.

Но есть в пьесе верное чувство времени, воздух нашей эпохи, героический воздух борьбы и мужества, есть ощущение широты, сложности, острого драматизма политической жизни современного мира.

Герои пьесы, советские люди и передовые чешские патриоты, не «устали» от борьбы с фашизмом, от ожесточения борьбы. Они хорошо знают всю дьявольскую изобретательность и цинизм первых сил, ползущих живых фашизм во всем мире, и очень далеки от сланных иллюзий, успокоительных идиллий. Они знают, что ненависть к фашизму и реакции священна, потому что она представляет собою оборотную сторону любви к человечеству. Не умея ненавидеть, нельзя и любить! — учил великий гуманист нашей эпохи Горький. Эта истина вошла в плоть и кровь всех подлинных гуманистов во всех странах мира. Война научила их многому. И они хорошо знают, что «испытание миром» — это прежде всего умение последовательно, мужественно, стойко бороться со всеми, кто стремится взорвать мир.

Кстати, это удачное выражение — «испытание миром» — принадлежит поэссе Ольге Берггольц. Так называется ее статья, напечатанная в «Литературной газете» (№ 47). К сожалению, приходится сказать, что, кроме названия, никаких других удач в статье почти не наблюдается. Странное впечатление производит эта статья...

Автор утверждает, что, дескать, в наши дни, в дни мира, то «чувство» миссия, без которого невозможно было ни воевать, ни победить, на сегодня отработано, отпало, вернее, отделилось в другие формы, трансформировалось. Мы можем только вспомнить о том великом гнев, который владели нами неспроста четыре года, вспомнить и изложить это в воспоминаниях. Это чувство может по-новому всплыть? (2) В нас, когда мы читаем о процессе в Бельзене или Нюрнберге, но практически, повседневно нам и не вызвать в себе тогдашнее, такое же чувство, да в нем и нет с-час первоочередной нужды, как то было в дни войны. Но, например, великое чувство лютя, взаимопомощи, весь связанный с понятием людского братства комплекс чувств, столь обогатившийся за время войны, — он принадлежит к чувствам стойким и непреходящим, практически необходимым людям сейчас, в дни возрождения мира.

Позтому произведение о войне, проникнутое этими чувствами, долготу нас непосредственно и прежде всего. По мнению Ольги Берггольц, чувство гнева, владевшее нами в дни войны, является чувством нестойким и преходящим, в отличие от «братской любви». Поэссе совсем забыла бы о том гнев, который владел ею в годы войны, если бы такие события, как процессы в Бельзене и Нюрнберге, не «напомнили» ей время от времени об этом. Чувство гнева толкает «всплывает» в душе поэссе, — поэтому оно и кажется ей нестойким.

О Берггольц судила, отождествляла чувство миссия с чувством гнева против фашизма.

Мы очень хорошо знаем, что чувство миссия, как и чувство возмездия за обиды, — плохие советники в политике, как и в отношении между народами. Но разве отсюда следует, что тот гнев против фашизма, который вдохновлял свободные народы во время войны, отошел в наши дни в область воспоминаний, «отработал», «отпало»? Если и изменился этот гнев, то лишь в том смысле, что он стал еще более зрелым. Он хорошо знает точку прицела, он многим обогатился за годы войны и за месяцы мира, — этот священный гнев против истребителей жизни на земле. Кто не знает теперь, что не булз Мюнхена, не было бы пещей и костров, пожарищ миллионы людей! Кто не понимает в наши дни, что палачи, сидящие на стульях подсудимых в Нюрнберге, не смогли бы творить свои преступления без поддержки

тех уважаемых господ, «космополитов» из банков и синдикатов, которые решились бросить в лицо человечеству тумную кривую фашизма. Кто не видит, как усилилась в наши дни изверженная злоба мировой реакции, лишившейся своего главного козыря — гитлеризма, вынужденной перейти к обороне!

Взгн человечества хотели бы зачеркнуть все усилия и жертвы народов, принесенные в борьбе против фашизма, — зачеркнуть, чтобы разжечь новую, еще более опустошительную войну. Но пепел сожженных фашистами людей стучит в сердце народов, — и это вовсе не только «космополитанство» о гнев: нет, это тот же самый яростный, непримиримый, полыхающий гнев, который владет бойцами! И до тех пор не «отработает», не отпадет очистительный гнев, пока не будут уничтожены все влияния, все мерзкие следы фашизма на земле.

Странно встретить в статье Ольги Берггольц и такие мысли: «Душа человеческая устала от того, что ей пришлось пропустить сквозь себя такое продолжительное и огромное ожесточение, пришлось созерцать такое чудовищное количество разнообразного, бессмысленного зла, внесенного в мир фашизмом; взгляд ее с жалостью, надеждой и благодарностью устремится к картинам добра, счастья и благополучия».

Ольга Берггольц отделяет ненависть и гнев от любви и добра, она относит чувство гнева к сфере «воспоминаний», а не живых, сегодняшних непосредственных чувств. Ей кажется, что можно намечать задачи искусства в дни мира, ни слова не говоря о сегодняшнем, реальном чувстве ненависти к реальному злу на земле. И при этом она обвиняет кого-то в «апостаральности». В этом грехе, по ее мнению, повинны те авторы, которые «пишут о сегодняшнем дне, о мире без мысли, о дне вчерашнем». Оглядываясь назад, мы видим, что Берггольц лишь в воспоминаниях о «вчерашнем дне» ищет, что есть в «вспоминаниях». Суть в том, что, чтобы писать ни о дне сегодняшнем, ни о дне вчерашнем без сегодняшнего гнева против истребителей человечества. Без этого, действительно, можно изговаривать только пасторали или сентиментальные проповеди о «людском братстве», в духе армии спасения или каких-нибудь дам-партизан. Статья О. Берггольц и является «критической пасторалью», употребляет другое удачное выражение поэссе.

Плохо звучат рассуждения об «усталости души». Да, много пришлось выстрадать душе человеческой в нашу эпоху — так много, что все слова наши инстинктивно бегут от того, чтобы выразить это. И все же, может «устать» душа доктора Прохазки, — но душа, не совесть человечества, не знает усталости. И разве не счастлива, не горда она тем, что внешне «сверхчеловечески» дрожат сегодня мелкой дробью лейтенантских банкетов перед расплатой? Разве не веселит богатую душу человечества во самое, от чего бунтует весь лагерь врагов: победа демократии, ослабление позиций реакции во всем мире! Это сознание наполняет сердца всех честных людей во всех странах радостной уверенностью в том, что фашизм будет добит, раздвоен, стерт с лица земли, победа демократии будет понастоящему закреплен, провокаторам войны не удастся разорвать дружбу и единство народов, и человечество выдержит серьезное испытание миром.

И борьба за мир является и задачей советского искусства. Оно выдержало испытание войной. Ольга Берггольц известна это: она сама принадлежит к числу художников, достойно выдержавших испытание грозных лет. Верное чувство эпохи, преданность делу демократии, дружбы и свободы всех народов, страстный напор мирного созидательного труда, — эти свойства, отличительные искусство советской страны, помогут ему выдержать и испытание миром.

В дни войны мы не утратили нашей любви. В дни мира мы не утратим нашей ненависти.

Этого требует от нас наша совесть, наша великая любовь к человечеству.

Иллюстрации художника А. Кравченко к «Пиковой даме» А. Пушкина. (Детгиз)

Сергей МАРКОВ

НЕОБЪЯТНЫЙ ПРОСТОР

...В Архангельске есть один старый талантливый поэт. Он был солдатом двух войн и прошел мир по боевым дорогам от Месопотамии до Норвегии.

И вот, — российский армии солдат —

Стою на берегах твоих, Евфрат — писал он несколько лет назад. Теперь он вернулся с берегов норвежских фьордов. Я разыскал «Правду Севера», раскрываю альманах «Север» и... не нахожу новых стихов поэта-солдата о Норвегии. Они не могли бы не написаны... Из Архангельска, Мурманска, Петрозаводска нам дано видеть синеву норвежских заливов, граниты Филландия, белые ноки Скандинавии.

Историческое прошлое русского Севера велико. Мне не так давно довелось прочесть два замечательных исследования о ранних связях северной России с Европой. Одно из них посвящено истории посольства Александра Невского в Норвегию, другое повествует о посещении Архангельска послом Оливера Кромвеля. Обе эти большие, увлекательные по содержанию статьи напечатаны в научных изданиях. Это естественно, но подобные исторические очерки мне хотелось бы видеть и в наших художественных журналах, и в областных альманахах. Я хотел бы прочесть, наряду с произведениями художественными, очерки по истории древней русской Печенги, новые материалы о знаменитых «грумантлах», о старинных дальних морских походах архангельских, о современных, архангельских во время Отечественной войны плаваниях из Архангельска в Европу, Азию и Америку. Какая широта, какой простор! Налево — Баренцово море, направо — море Беринга. От Мурманска до Аласки — сквозящий Ледовитый океан — плавают советские корабли. Архангельск — важнейшее звено в цепи, протянувшейся на восток вдоль Северного Ледовитого моря. Так почему же так мало мы пишем об Архангельске, так мало пишем о его прошлом и настоящем?

Областные альманахи и сборники подчас страдают близорукостью, они неохотно берут, и в большинстве случаев их кругозор совпадает с чисто административными границами. Лишь иногда В. Костыляев в «Волжском Альманахе» удается увидеть и «Студеное море» и «Город Антроп» и «Отланское море» — когда он пишет о первых морских департаментах Ивана Грозного. «Сибирские огни» печатают очерки о русских людях на Тихом океане, о скитаниях А. Чехова по Сахалину. В альманахе «Кубань» мы находим очерк А. Степанова о Порт-Артуре; писатель рассказывает, как создавался его книга о русской твердыне на Желтом море.

В альманахе «Енисей» радует поэма Иги. Рождественского — «Верность русскому флагу», посвященная северному мореходу Проничеву. Это — уже законный и неизбежный выход в полярные страны, ибо устье Енисея издревле манило к себе русские мореплаватели. Но из Красноярска можно увидеть и енисейский гора, жизнь удивительной соседней страны — Тунну-Туви и ее народы, о которых мы читали, пожалуй, только у М. Кастрена да у Феликса Кона. Было бы хорошо, если бы мы, писатели, заинтересовались и написали бы о русских исследователях в Тунну-Туве, о друж-

бе русского и тувинского народов, почтнее давали бы образцы тувинского народного творчества.

Нам придется пропутешествовать по карте нашей великой страны. Вот Прибалтика... Рига, Таллин, Вильно, Каунас, Тарту представляют богатейший материал для художественных и научных произведений по истории древней Европы. Здесь открываются и для поэта и для исследователя глубины праславянского мира. Литвы, веныты, прибалтийские славяне жили издревле в стране янтара к востоку от Вислы, где шумело Венедское море. Города и все славяне лежали от Прибалтики до Полодии и Волны, от теперешней Восточной Пруссии до Дышящего моря — Яранга, от Дуная до диких лесов Бараньи.

От гнева и отбвга древних славян дрожали стены Гамбурга, в X веке перед ними на коленях стояли немецкие князья! Это ли не тема для произведений? Открыто огромное «балтийское окно», и в нем видны синее море и корабли, плывущие в будущее — через «Отланское море»...

Перенесемся на Дальний Восток. В Хабаровске и Владивостоке издаются местные альманахи, есть Дальневосточное издательство и прекрасная газета «Тихоокеанская звезда». В альманахе «На рубеже» я нахожу дельный очерк А. Штейна о Н. Муравьеве-Амурском. Нужно и важно также о Хабаровске, Невском, Бошняке и других открывавших на Тихом океане. Но града туманных Курильских островов и Сахалина — не граница для русской трудолюбивой мечты. Владивосток — окно в Тихоокеанский мир. Из него одинаково виден свет Полярной Звезды и Южного Креста. Разве о современной жизни нашего Дальнего Востока, о его славной истории не хотят знать наши и зарубежные читатели? Для пытливого писателя Дальний Восток представляет обилие интересных и свежих тем. Нам нужны произведения о жизни стран Тихого океана — в самом широком смысле этого слова, — о народах, путевые записки, история славных русских исследований в землях Тихого океана, описание подвигов русского и советского оружия... Это — значительный край работы для поэта, беллетриста, историка и географа. Вот историю и радует, когда в одной из книг дальневосточного альманаха, наряду с беллетристкой и стихами, можно прочесть, например, заметку об архиве великого следопыта Дальнего Востока — В. Арсеньева.

Литераторы не могут проходить равнодушно мимо таких богатств, как архивы замечательных исследователей и знатоков края и стран. Почему, например, не изучен еще архив Чокана Валиханова? Несомненно, это расширило бы границы наших познаний стран Центральной Азии. Много дал бы писателям и исследователям архив капитана И. Ауффриева, этого Арсеньева полярных стран, прекрасного писателя-географа, человека легендарной жизни. Красноярский альманах «Енисей» опубликовал недавно сибирские письма декабриста И. Пушкина с вводной статьей А. Клибанова. Это — хороший для нас пример. В Пензе издательство газеты «Сталинские знамя» любовно и упорно издает книги о своих знаменитых земляках. При этом авторы книг разыскивают новые материалы в местных архивах. Из тамбовских лесов вышел грозный властитель морей — Федор Ушаков, Смоленск дал Н. Пржевальского и П. Коллара, из Твери в Индию пошел Афанасий Никитин.

Оглянувшись на прошлое, чтобы найти в нем источник силы и веры в победу, — это была потребность, которую ощущал тогда не один Михайлов, а весь народ.

Для Михайлова это было не только психологической потребностью. Для него это было боевой, оперативной задачей.

Надо было показать мощь страны и мощь народа.

Задача была необъятная. Но писатель знал, как надо смотреть и где надо стоять, чтобы увидеть главное. Смотреть надо было не простым, а вооруженным взглядом географа и историка. А стоять надо было в Москве, в той точке, откуда расходятся пути во все стороны, продолжая московские улицы.

Михайлов пишет и от своего лица и от лица собирательного русского человека, русского народа.

Но собирательный человек — народ — видит не так, как видит отдельный человек. У народа — планетарное зрение. Он сразу охватывает взглядом и тысячи лет и тысячи километров. И в то же время он видит подробности, он видит не только далеко, но и близко.

Вот тут-то и пригодилось Михайлову умение отбирать детали, умение смотреть не только телескопически, но и микроскопически.

Он и в истории стремится подчеркнуть самое характерное, заменяя частью целое.

Когда он пишет, что в Москве 1612 года «сопьяненные победы и добычей ланцкнхты пускани в ход вместо пуха зерна жемчуг», — эта маленькая деталь заменяет длинный рассказ о грабежах и буйстве иноземных захватчиков.

Когда он говорит, что московские улицы пролегли там, где возникла прокладывая колено и пешеход протоптавший тропинку, — это сразу дает представление о том, как росла Москва, органически, стихийно повторяя рисунок могучего дерева: колыба и разлусы.

Михайлов рассказывает, как история создавала страну, как она «ковала русский характер».

Я не хочу пересказывать своими словами содержание глав этой книги.

Я хочу только поделиться удивлением перед смеельностью, с которой Михайлов взялся за решение, казалось бы неразрешимой, задачи.

В небольшой книжке, на протяжении 200 страниц он задумал рассказать обо всем: о географии, об истории нашей страны, о русской литературе и о русской науке, о музыке, архитектуре, живописи.

В его книге — страна Урарту и битва под Сталинградом, Афанасий Никитин и

затерявшийся среди костромских лесов посад Парфеньев дал России С. Максимова — редкого знатока жизни русского народа. Как много увлекательного таит история краев и областей и какой благодарной может быть работа писателя.

Акад. И. Крачковский пишет, что арабский мир хорошо знает Чехова. Особенно ценят Чехова арабы Сирии и Палестины.

Одесса — одно из наших «окош» на Восток. Отсюда идут корабли к берегам Арктики, к Адену и дальше — в моря, туда, где светит Южный Крест.

...Мы знаем, что еще при Алексее Михайловиче, накануне петровской зари, Русь хотела начать торговлю и культурные связи с Эфиопией, именно — с портами будущей Эритреи. Нам есть с этими странами. Немало замечательных русских людей побывало на Черном материке. Героические походы А. Норова в Египет и Нубию, странствия Егора Ковалевского, скитания Н. Миклухи-Маклая по пескам Аравии и абиссинскому поморию, путешествия А. Елисеева, Л. Артамонова, А. Булатовича по просторам эфиопских стран... Все эти люди оставили после себя хорошие книги, и о них надо вспомнить. Егор Ковалевский, равный Стюди, сын русского народа, не наш великий культуру, наше слово в дикие страны Африки.

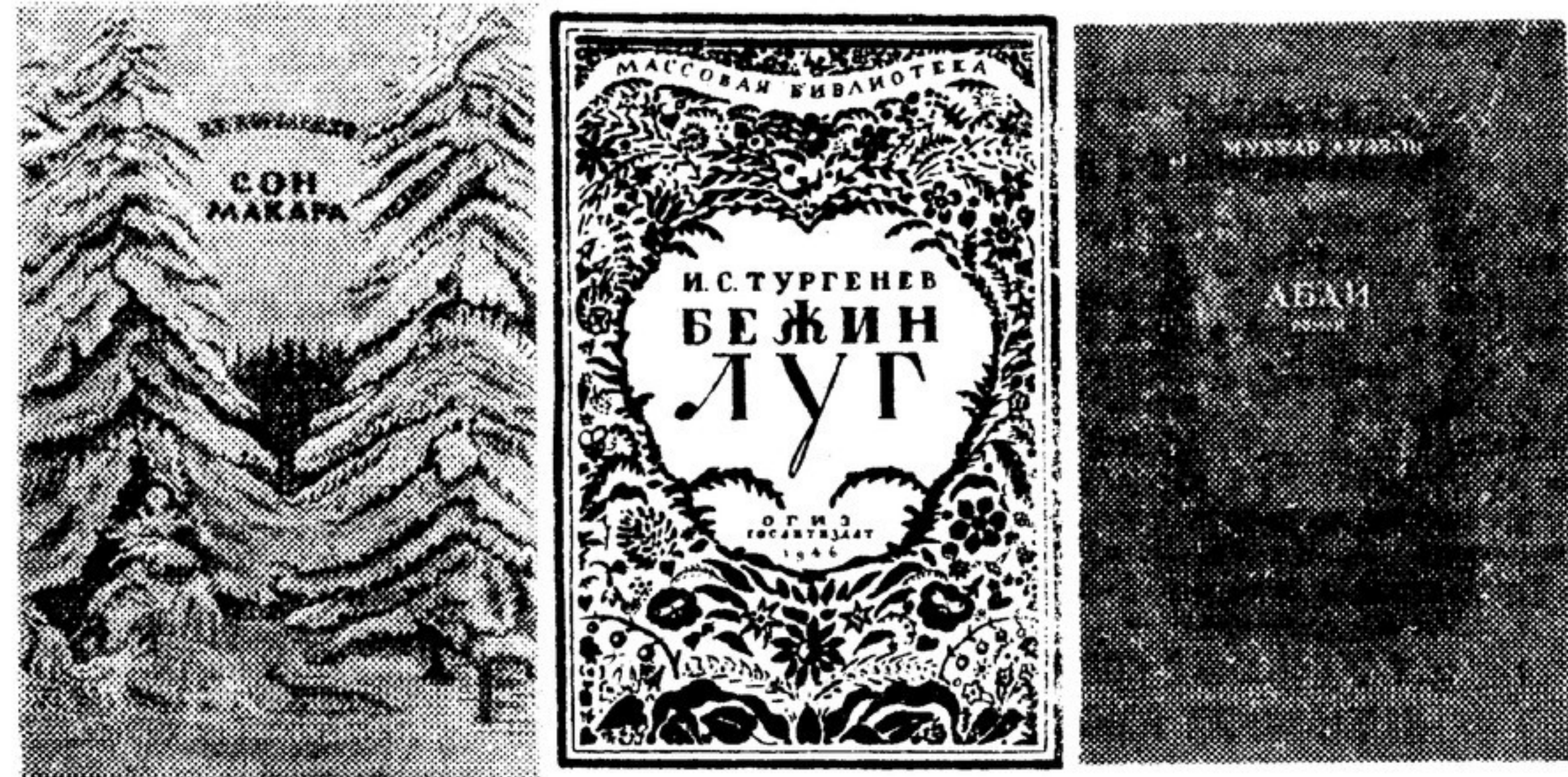
Я бы не наскучить «географией». Но надо также пожелать, чтобы появились новые интересные книги о прошлом и настоящем нашего юга.

Советский народ-победитель, многообразия и богатства нашей страны, славное ее прошлое, великое будущее — основные темы современной литературы, где бы, в каком месте нашей обширной страны ни издавались книги.

Наше убеждение о братстве народов, о счастливом будущем мира должны быть подкреплены художественно убедительной историей того, как складывались подлинно человеческие отношения. В Арсеньева создатель трогательный образ Дзрсу-Узла, мудрого и простодушного «дикаря», Миклухи-Маклая всей своей жизнью доказал, что белый, в частности русский, человек может быть другом чернокожих. Таких людей надо возлюбил, как нужно, в свою очередь, рассказать о великих и замечательных черных, желтых и краснокожих людях, приобщившихся к мировой культуре.

В нашей стране жили и творили казахи Абай, Чокан Валиханов, бураты Дорджи Банзаров и С. Пирожков, коми И. Куратов, якут А. Кулаковский, осетин К. Хетагуров. Каждый народ, как бы он ни был мал, имеет своих великих людей. Об этом не надо никого забывать... Пусть люди знают друг о друге... И мы должны писать о них книги волнующие, значительные.

Литература и наука всегда были тесно связаны между собой: великий Пушкин был историком, а гениальный географ Пржевальский — прекрасным писателем. Наша литература сейчас, как никогда, должна дорожить своей связью с передовой наукой и по-настоящему делать ее достойным нарда. Надо суметь найти ученых-писателей, а таких у нас много. Надо дружить с краеведцами, работниками музеев и архивов, топографами, моряками и воздушными пилотами.

Обложки новых книг: В. Короленько «Сон Макара» (художник Н. Мухомин) и И. Тургенев «Бежин луг» (художник Л. Митрофанов) — выйдут в издательстве «Советский писатель», 1956 г.; М. Ауэзов «Абай» (художник Г. Фингер) — выдана в издательстве «Советский писатель».

М. ИЛЬИН

ОБРАЗ СТРАНЫ

Я впервые увидел подпись «Н. Михайлов» в горьковском альманахе «Год XIX». Произведение, под которым стояла эта подпись, было посвящено географии, а называлось «Почерк истории». И тут не было противоречия.

География, о которой Михайлов рассказывает и в этой и в других своих вещах, — это география в действии, во времени. Михайлов показывает, как история творит географию. Он изображает не застывший, неподвижный облик нашей страны, а ее живое, меняющееся лицо.

Когда речь идет о научном труде, каждый вправе спросить: что нового вносит этот труд в науку?

Я думаю, что такой же критерий надо применять и в оценке художественного произведения. Если оно не вносит в литературу нового, если оно только повторяет старые образцы, оно не заслуживает внимания. Говоря о Михайлове, я хотел бы прежде всего показать то новое, что он внес в художественную литературу.

Сколько раз изображали русские писатели природу своей родины, особенно среднерусскую природу.

Есть среднерусский пейзаж и у Михайлова. Но у него это только маленькая деталь в огромной картине.

Вы видите на одном краю привычные вам белые березки, следы зайца-русака на снегу. А на другом краю картина на берегах Амура — уже не белые, а черные березки и на снегу — не зайцы и не волки, а тигры. И вы уже по-новому воспринимаете привычный пейзаж, когда он оказывается только деталью огромной картины. Зауважив слово писателя от контекста: белая береза иначе выглядит, когда вы видите ее рядом с черной березой.

Новизна пейзажа у Михайлова прежде всего — в широте охвата. На его картине горизонт опоясывает шестую часть суши. В этом и увлекательность и трудность задачи стоящей перед художником.

Тут сразу возникает несколько, казалось бы неразрешимых, вопросов.

«Образ страны» — это родимые пятна на лице казахской земли.

Когда целое необъятно, охватить его может только тот, кто помнит мудрое правило: pars pro toto — часть вместо целого.

Михайлов знает это правило и умеет им пользоваться.

В подлинно научно-художественном произведении трудно отделить науку от литературы, провести четкую грань между ними.

Каждому из нас приходилось читать книги, в которых география была сама по себе, а беллетристика — сама по себе. За тремя страницами приключений следовало пять страниц описаний. Вы легко могли при чтении опустить географию и ограничиться беллетристкой.

В книге Михайлова наука и литература составляют органическое единство.

Он видит то, чего не увидишь простым глазом.

Сколько раз художники изображали казахские горы и реки. Можно было бы подумать, что все краски исчерпаны, палитра пуста.

Но вот приходит художник, вооруженный наукой. Он по-новому смотрит на мир. Он видит две реки: Рион и Куру. Эти реки начинаются рядом. Но живут они по-разному. Рион не пускает на поля. Его держат, как в клетке, между двумя высокими земляными валами. А Куру насыльно гонят на поля, чтобы она их орошала.

Почему?

Потому, что Рион живет по эту сторону перепороки, во влажном мире Атлантики, там, где изобит влаги. А Куру живет по другую сторону, там, где влаги нехватает.

Так художник, вооруженный наукой, видит в природе всюду не только загадки, но и разгадки. Он понимает пейзаж.

Для Михайлова вся природа — живая книга. Он умеет ее читать. Для него каждое дерево, каждый зверь в лесу — слово в книге. И он видит, как эти слова соединены в фразы, в связанный рассказ.

Живая книга страны не остается неизменной. Рука истории переставляет слова, переносит нано целые фразы и главы. Говорят: «Из песни слова не выкинешь». А уж если выкинешь, надо переделывать все песню. Так и с природой. Говоря о ее перестройке, надо помнить, что природа — великое целое.

Михайлов умеет видеть это целое. Я приведу пример из книги «Лицо страны».

«Лицо страны» — это родимые пятна на лице казахской земли.

Когда целое необъятно, охватить его может только тот, кто помнит мудрое правило: pars pro toto — часть вместо целого.

Михайлов знает это правило и умеет им пользоваться.

В подлинно научно-художественном произведении трудно отделить науку от литературы, провести четкую грань между ними.

Каждому из нас приходилось читать книги, в которых география была сама по себе, а беллетристика — сама по себе. За тремя страницами приключений следовало пять страниц описаний. Вы легко могли при чтении опустить географию и ограничиться беллетристкой.

В книге Михайлова наука и литература составляют органическое единство.

Он видит то, чего не увидишь простым глазом.

Сколько раз художники изображали казахские горы и реки. Можно было бы подумать, что все краски исчерпаны, палитра пуста.

Но вот приходит художник, вооруженный наукой. Он по-новому смотрит на мир. Он видит две реки: Рион и Куру. Эти реки начинаются рядом. Но живут они по-разному. Рион не пускает на поля. Его держат, как в клетке, между двумя высокими земляными валами. А Куру насыльно гонят на поля, чтобы она их орошала.

Почему?

Потому, что Рион живет по эту сторону перепороки, во влажном мире Атлантики, там, где изобит влаги. А Куру живет по другую сторону, там, где влаги нехватает.

Так художник, вооруженный наукой, видит в природе всюду не только загадки, но и разгадки. Он понимает пейзаж.

Для Михайлова вся природа — живая книга. Он умеет ее читать. Для него каждое дерево, каждый зверь в лесу — слово в книге. И он видит, как эти слова соединены в фразы, в связанный рассказ.

КРИШЯН ВАЛДЕМАРС

(27 ноября 1825 г. — 7 декабря 1891 г.)

Трудящиеся Советской Латвии отметили 120-ю годовщину со дня рождения Кришьяна Валдемара...

Уже в ранней юности понял Валдемарс, что в борьбе за возрождение латвийского народа...

Кришьян Валдемарс родился в Курземе в семье земледельца. С детства любил много и прилежно учиться...

В 1854 году Кришьян Валдемарс поступает в Дерптский университет. Здесь вместе с другими деятелями эпохи возрождения...

В 1858 году Валдемарс в Петербурге издает «Петербургскую газету», в которой ведет борьбу против немецких баронов...

Кришьян Валдемарс горячо любил свой народ, трудился и работал для него. Стал одним из крупнейших поэтов и прозаиков в латвийской национальной самосознании...

А. ТАЛЦИС

Вечер памяти А. Фета

Очередная «серла» в Литературном музее была посвящена 125-летию со дня рождения А. Фета...

Природа, любовь, искусство, — говорит докладчик, — центральная тема лирики поэта. Его поэзия глубоко интимна, музыкально-мелодична...

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук хватает налету и закрепляет вдруг И темный бред души, и трав неясных апах...

Подчас вместе с Тютчевым, которого он называл своим «божественным поэтом», Фет признается в безделье слова. И он говорит или намеком, или не договаривает, или бросает свои дерзкие зигзаги «создолобные думы», «сладокий огонь» «всевидный май», «звезд золотые ресницы», «молниевидное крыло» ласточки и др.

Поэтическое новаторство Фета часто вызвало даже у поклонников поэта нарекивания в «небрежности», «неправильности» языка, в капризном поэтическом своеволии, что и вызвало целый ряд эпитетов и пародий по его адресу.

В заключение докладчик подчеркнул высокое мастерство, певучесть задушевных мелодий, яркость и сочность образов одного из замечательных представителей русской лирической поэзии.

После доклада В. Стражева состоялся концерт. Артист театра им. Ленинского комсомола О. Фредих прочел стихи А. Фета. Солист Государственного ансамбля Московского военного округа Б. Вильфин исполнил романсы Чайковского, Рахманинова и Танеева на слова А. Фета.

Море в советской поэзии

В этом году Военмориздат выпустил книгу «Море в русской поэзии» — сборник стихов дореволюционного периода, посвященных морской тематике. Сейчас издательство готовит к печати аналогичный сборник «Море в советской поэзии», под редакцией П. Антокольского и Л. Джатгача.

Т. МОТЫЛЕВА

Последняя книга Ромэн Роллана

Одно из первых больших литературных произведений, появившихся во Франции после ее освобождения, — книга Ромэна Роллана о французском писателе Шарле Пеге, погибшем в первую мировую войну в битве на Марне.

Обетом «Пеге» снабжены издательской комитетом «Закончено печатанием тридцатью декабря 1944 года». Книга вышла в свет в день смерти ее автора.

Оговоримся с самого начала: книга не рассчитана на широкого читателя. Отдельные страницы и главы представляют интерес преимущественно для специалистов. По жанру «Пеге» примыкает к «героическим жизнеописаниям» и к искусствоведческим работам Роллана. Это — исследование творческого, биографического, документального характера, снабженная громадным количеством ссылок и примечаний. Это в то же время художественный портрет незаурядной, своеобразной личности, «героя» в роллановском понимании этого слова. С героем своей книги, писателем и публицистом Шарлем Пеге, Роллан был в свое время связан не только литературным сотрудничеством, но и личной дружбой: это придает его труду отчасти и мемуарный, автобиографический характер.

Конечно, обращение Роллана к биографии Пеге нельзя объяснить одним лишь желанием вспомнить о Пеге, умершем тридцать лет назад. Имея Пеге и его наследие перед собой во Франции последних лет неожиданно остроу актуальность.

Противоречивой и двойственной фигурой встает Шарль Пеге в истории французской литературы. Выход из трагических условий ремесленника, он начал свою сознательную жизнь воистинно социалистом и дрейфующим, врагом французской войны, — закончил ее ярким националистом. Пеге был убежденным республиканцем и не менее убежденным католиком. Роллан называет его «жюбонист-кредосец».

О своем отношении к Пеге Роллан говорит в этой книге так: «Мы были честными»

Romain Rolland. Péguy. Paris. Albin Michel. 1944.

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Новые авторы и новые пьесы

Так сформулирована тема доклада И. Крути, состоявшегося 7 декабря в секции драматургов ССП СССР.

Докладчик подробно проанализировал новые пьесы молодых авторов — «Морская дружба» Н. Вагнера, «Северная сказка» А. Гинзбург, «Берег», «Надасда», «Добрыня» Л. Аграновича, «Шестое чувство» («Далеко от Сталинграда») А. Сурова, «У самых путей» и «Один сутки лейтенанта Смирновой» А. Малахов, «Смешные нежности» и «Дорога времени» Г. Ягфельда и другие.

Некоторые из этих авторов впервые выступают на поприще драматургии, другие написали уже по две-три пьесы и ведут переговоры с театрами об их постановке. Это люди различного творческого почерка и различной литературной судьбы, но всем им, по мнению И. Крути, свойственна несомненная одаренность, и их работа в области драматургии должна привлечь внимание писателей и театральной общественности.

Знакомство с пьесами молодых авторов позволило докладчику прийти к заключению, что произведений эти скорее представляют собою «драматургию больших чувств», чем «драматургию большой мысли».

Герои пьес являются люди, воспитанные в эпоху сталинских пятилеток, выросшие за годы Отечественной войны. Высокие моральные основы, за которые они готовы страстно бороться, создают очень ясную и привлекательную атмосферу в большинстве пьес, но в то же время молодым авторам, как правило, не удается с достаточной убедительностью раскрыть интеллектуальный мир своих персонажей.

В обсуждении докладчик принял участие О. Литовский, Р. Суслевич, Х. Херсонский, А. Бруштейн, А. Малахов, О. Леонидов. Помимо конкретных суждений о той или иной пьесе, на собрании были высказаны и общие соображения о творческих и организационных трудностях, с которыми приходится сталкиваться молодым драматургам.

Стихи Сергея Маркова

Вечер Сергея Маркова, организованный поэтической секцией клуба, привлёк многих и вызвал живой обмен мнений. Как отметили выступавшие в обсуждении, от поэта они ожидали новых хороших стихов о нашей современности, о родине. Однако ожидания не оправданы. Мастерство поэта не изменилось, но оскучило, но стихи его оставляют слушателя равнодушным.

Почему, — говорит В. Инбер, — стихи Маркова, действовавшие на меня неотразимо, сейчас не волнуют? Потому, что мы все выросли, ушли вперед, а поэт остался на месте. Поэтому, что в стихах Маркова нет чувства современности.

Среди новых стихов С. Маркова привлекает внимание слушателей «Казак в Пруссии».

Творчество Льва Кондырева

Лев Кондырев — один из наиболее молодых поэтов Новосибирска. Его творчество разнообразно: поэт плодотворно работает на материале фольклора, пишет стихотворные новеллы, юмористические стихи.

Недавно Л. Кондырев прочитал в областной комиссии ССП свои новые произведения, в обсуждении которых принял участие В. Инбер, С. Галкин, А. Тарасенков, А. Бруштейн, А. Арго и др.

Лев Кондырев пробует себя в различных жанрах, как будто бы взаимосключающих друг друга жанрах, — сказал П. Антокольский. Наиболее интересным мне кажется поэма «Стихи», которые можно назвать «коронованными рассказами», хотя иногда они и называют тем, что мы называем книжной реминисценцией.

Вечер С. Беляева

В связи с 40-летием литературно-общественной деятельности С. Беляева в Клубе писателей 12 декабря состоялся его творческий вечер, устроенный комиссией приключенческого жанра.

После выступления слова Л. Никулина доклад «Литературный путь С. Беляева» сделал К. Андреев, охарактеризовавший основные произведения писателя — «Записки советского врача» и вышедшие в 1944—45 г. в Дегизне «Приключения Саи-мунга».

Выставка в Клубе писателей

Живописец, рисовальщик и художественный критик, А. Нуренберг получил первоначальное художественное образование в Одесском художественном училище. Затем совершенствовал свои знания в Париже. В 1920—22 гг. А. Нуренберг работал под руководством В. Маяковского в «Окнах РОСТА».

К 1927 году относится серия его картин и рисунков из жизни дореволюционной еврейской бедноты. В 1938—40 гг. А. Нуренберг создает серию цветных рисунков на историко-революционные темы.

Очень плодотворно работал художник в годы Великой Отечественной войны. Этот период его творчества и показан на выставке, открытой в Клубе писателей. Большинство картин посвящено жертвам фашизма («Антифашистская серия»). Запоминаются также рисунки и картины, как «В одесском бомбоубежище», «Увозят», «Обреченные» и др.

На выставке представлено также много рисунков, этюдов, изображающих русскую природу, пейзажи советских городов, жанровые сцены.

На снимке: картина А. Нуренберга «Старик» (сангина).

«Старик», — рассказывает о Емельяне Пугачеве, в молодости своей участвовавшем в походе на Пруссию. Но, как отмечает П. Антокольский, поэт только констатирует исторический факт. Образ Пугачева Марковым не раскрыт. Говоря о литературной стилизации, особенно в таких стихах, как «Село Бердо», «Человек из Торна», «Коперник», П. Антокольский требует от С. Маркова — поэта больших возможностей — стихов, проникнутых чувствами и мыслями вышей великой эпохи.

Выступавшие в прениях: И. Молчанов, А. Коваленко, М. Рудерман, М. Львов и др., отметили хорошие стихи — «Соседка», «Северные ягоды», «Серджак», «Шутка», «Стрелок», «Синица», согласились с мнением П. Антокольского и В. Инбера.

А. Тарасенков, выступивший с детальным разбором стихотворений Кондырева, отметил в некоторых из них литературную самостоятельность и неточность поэтического словаря, свидетельствующую о недостаточном опыте автора.

Но при всех указанных несовершенствах, — подчеркнул А. Тарасенков, — Кондырев безусловно талантливый и интересный поэт. Его стихотворение «Поляны-трава» написано с тонким опущением стилизации. Подлинно поэтичны стихи «Черемуха», «Город на Томе», «Бережит» и другие.

Лучшие стихи Кондырева, — отмечает М. Алитер, — сюжетны и одновременно лиричны. При надлежащем редактировании книга его стихов может быть интересной.

Музыка Пингля, фантастическую повесть «Десятая планета» и др.

С. Беляев познакомил собравшихся с открытием своего нового романа «Властелин молний». Затем с приветствиями юбиляру выступили писатели А. Казанцев, М. Ройзман и Н. Шпанов, представители Дегизны, молодежного зала Библиотеки им. Ленина, литературного кружка 110-й школы и др.

В заключение артисты И. Залесский и А. Хованский прочли отрывки из произведения Беляева.

На снимке: картина А. Нуренберга «Старик» (сангина).

твля два политик и преступлений цивилизации... Из всей силы трупья Жан-Кристов и Пеге о мистике действия, о героической религии Жизни-жертвы, о полном самопожертвовании ради веры — какой бы она ни была».

В каком-то смысле Пеге был одним из прототипов Жан-Кристофа, живым носителем тех возвышенных, но абстрактных идеалов героя, под знаком которых развивалось творчество Роллана.

Но все это было давно. Теперь Роллан вспоминал о Пеге в другой связи.

В годы фашистской оккупации Франции Пеге стал объектом политической борьбы. Луи Арагон в одном из своих докладов в Москве рассказал о том, как предатели из Виши пытались присвоить наследие Пеге, пытались даже ставить его пьесу «Жанна Д'Арк» спектаклю на ее антифашистские мотивы. Реакционные стороны мировоззрения Пеге — религиозный мистицизм, приверженность к средневековью, наводки на Третью республику нередко в духе агитации французским мракосам объяснял Пеге своим. Но в дни второй мировой войны, когда с одной стороны, французские реакционеры столь нагло обнаруживали свою антинациональную сущность, а когда, с другой стороны, французским патриотам стал особенно сочувствен героический пафос творчества Пеге и его искренняя и горячая ненависть к разобщенному, германскому империализму, — естественно было стремление не отдавать Пеге предателям родине. Статьи и стихи Пеге, призывавшие к самопожертвованию во имя Франции, приобрели новую популярность в дни ее унижения. Делегаты национального сопротивления издали книжку «Два французских голоса» — Шарль Пеге, Габриэль Перье, соединив, таким образом, имя автора «Жанны Д'Арк» с именем известного коммунистического деятеля, замученного немцами.

Все это помогает понять, почему Роллан захотелось написать о Пеге.

Сколько мало мы ни знаем об условиях существования Роллана в те дни, когда тихий городок Везель был частью немецкой оккупационной зоны, важно, что «Пеге» был закончен в ноябре 1943 г. Возможно, что именно с этим связано подчеркнутый объективный изложения, сдержанность формулировок.

На протяжении книги несколько раз упоминается о немцах — и каждый раз с недоумками. Роллан говорит о «непейной политике Германии», которая еще в начале нашего столетия сводилась к принципу:

При редакции заводской газеты «Сталинец» (Автозавод им. Сталина в Москве) создано литературное объединение, в котором занимается начинающие поэты и прозаики — рабочие и служащие завода. На снимке: руководитель объединения З. Кедрин (справа) проводит занятие. Фото В. Зунина (фотохроника ТАСС).

В издательстве «Советский писатель»

Литературно-критические статьи М. Горького начали появляться еще в 90-х гг. До конца жизни писателя волновали проблемы мастерства. Статьи его, собранные в отдельной книге, стали необходимыми каждому литератору — и опытного и начинающего.

На последнем заседании редакционного совета издательства «Советский писатель» обсуждался вопрос о новом издании литературно-критических статей М. Горького.

Докладчик С. Брейтбург считает, что необходимо издать исчерпывающее собрание литературно-критических статей М. Горького в двух томах (70—72 печатных листа). Сюда должны войти беседы, речи и статьи исторического и литературного характера, а

также художественные произведения, посвященные проблемам творчества. Редакционный совет принял решение издать два тома литературно-критических статей М. Горького к десятилетию со дня смерти писателя.

На заседании был включен ряд новых книг в план издательства. — Роман С. Голубова «Огненный вал», — говорит Н. Замощкин, — изображает все слои русского общества накануне первой мировой войны. Писатель создает реалистическую картину разложения правящих слоев и зарождения новых революционных сил.

Госиздат Белоруссии в 1946 году

МИНСК. (Наш корр.) Директор Белгиза С. Майрович сообщил нашему корреспонденту:

Перспективный план издания литературы в 1946 году предусматривает общее увеличение названий книг по сравнению с 1945 годом более чем в два раза (2040 печатных листов). В разделе политической литературы намечено издать на белорусском языке первый том избранных произведений В. И. Ленина — 50 печатных листов и серию отдельных книг и брошюр Владимира Ильича. На белорусском языке выйдет «Вопросы ленинизма» В. И. Сталина. Под редакцией секретаря ЦК КП(б) В. Малина и Т. Горбунова готовится к изданию большой труд «Борьба белорусского народа против немецко-фашистских оккупантов».

План издания художественной литературы, оригинальной и переводной, увеличен вдвое и предусматривает 1079 печатных листов. Общий тираж художественных изданий 1576 тыс. экз. В свет выйдет новые книги многих белорусских писателей. Для

детей будут изданы книги Якуба Коласа, Янки Купалы, Кузьмы Чорного и др.

В 1946 году выйдет первые тома подного собрания сочинений Янки Купалы и Якуба Коласа.

В связи с 50-летием со дня рождения Константа Крайвыя в 1946 году будет издан том его избранных произведений объемом в 20 печатных листов.

В издательском плане предусмотрено выпуск первых книг молодых авторов, переводы многих белорусских классических произведений, опубликование таких популярных образов устного народного творчества, как «Белорусские народные сказки», «Белорусские народные песни», «Пословицы и поговорки», «Фольклор Отечественной войны» и др. К выходу в свет намечены пьесы белорусских авторов и критические работы по вопросам современной белорусской литературы. В переводах лучших белорусских поэтов и прозаиков будут изданы произведения Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Крылова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Горького, Шолохова, А. Толстого, Фадеева и других русских авторов.

«Новая Югославия»

Работники литературы и искусства, недавно возвратившиеся в Москву из поездки в Югославию, 10 декабря на вечер в Московском клубе писателей рассказали о своих впечатлениях.

Вступительное слово произнес Г. Мдивани.

С интересом была выслушана речь И. Беренева. В фильме «Новая Югославия», который режиссер А. Ромм начинает снимать по сценарию Г. Мдивани, И. Береневу предстоит играть роль маршала Тито. Поэтому его подробный рассказ о четырех встречах с маршалом представлял не только общий, но и специальный интерес. И. Беренев горячо говорил о своей работе над образом, в котором он должен передать не столько внешнее сходство, сколько огромное обаяние, привлекательность, необычайный оптимизм, сочетающийся с большой внутренней силой и духовной мощью главы правительства, окруженного самой преданной любовью народа.

Н. Мординов, исполнивший в фильме центральную роль партизана Славока, говорил о своих наблюдениях, которые должны ему помочь в работе над образом.

Композитор Ю. Бирюков, познакомивший собравшихся с несколькими югославскими народными мелодиями и вариантами народного танца «Колас», исполнил свой марш, написанный для фильма «Новая Югославия».

Нина Емельянова, выступавшая с концертами во многих городах Югославии, рассказала о музыкальной культуре этой страны.

«Госпожа министерша»

Театр им. Моссовета приступил к репетициям комедии известного сербского писателя Бронислава Нушича «Госпожа министерша». Пьесы Нушича пользуются большим успехом на родине драматурга и в других славянских странах.

«Госпожа министерша» принесла Нушичу всеобщую популярность. Намисная накануне первой мировой войны, она идет и в наши дни.

В театре им. Моссовета комедию Б. Нушича ставит Ю. Завадский. Режиссер — С. Бенкендорф, художник — А. Гончаров, композитор — Ю. Бирюков. В главных ролях выступят В. Марещка, Б. Оленни, О. Абдулов и другие.

«ДРУЖБА НАРОДОВ»

АЛЬМАНАХ № 12

12-й номер альманаха «Дружба народов» открывается циклом стихов в честь Победы, написанных М. Рыльским, А. Астрейкой, С. Кудашевым, К. Курбановичем и др. В альманахе напечатаны также стихи А. Абашели, Ахавия, А. Венцлова, С. Нерис, Д. Вааранди. Большое место в книге занимает первая часть исторического романа азербайджанского писателя А. Заграбекова «Страна огней». Из книги А. Суджера «Вильнюсское гетто» опубликовано несколько глав. Обзор белорусской литературы в годы Отечественной войны посвящена статья Е. Лундберг «Голос земли». В статье С. Линкина и К. Рахматулина «От песни к роману» дается краткий обзор киргизской литературы.

ПАРОДИИ

А. Твардовский

Пиджачок не гимнастерка — До чего же штатский вид. Пусть день Василий Теркин Перед зеркалом сидит. — Вот так видок ерундовский, Не полтинник, не пятак. Что коль смежи Твардовский Да меня опишет так? Дескать, я, мол, дескать, ты, мол, Дескать, мы, мол, да с тобой, Дескать, ты, мол, это стимул, Дескать, дескать... ой... ой... Ой... Заведет такую песню...

Вставлю слово, он мне два, И на утро, хоть ты тресни, Будет повод к подложье, Ну, не входишь в подложье, Ну, всего расковыря — Что ни слово, ни движенье — Все ему материал. Теркин в поле, Теркин в здании, Теркин едет на вокзал... Я пошел, помылся в бане, Он и это обкасал. Я кричу: «Уйди! Ошпаро! Не пни! Войду я в раж!» Он мне шепчет: «Теркин, пареня, Ты пойми, какой тираж...» На груди мой медали, За спиною дальний путь, Хоть недельку бы мне дали От поэмы отдохнуть. Просто некуда деться — Ни вздохнуть, ни покурить, Так все же можно надорваться. Если честно говорить, Потому — такое время Тяжелее, чем свинец. Пусть придет конец поэме Или мой придет конец. Запевает песню звонче Два гармония на дугу. Ты ли начал, ты ли кончил, Я ли больше не могу!

Б. Пастернак

Я стану, где сильнее притес. И там, гдаа жажду, Повернусь к голубой дожде. Останется мой глазурью, А ночь войдет в мой мезенин, И, высушивая в себя, Меня напоит, как кушми, Волною, как восток (Б. Пастернак «Летний день»).

Я жил за городом один Наперекор природе, Переполюя мезенин Сонетам и вrede. Я время тихо проводил, Я не раялся в тоги. Бродал, удил, переводил И подвигал итogi. Ночами мне хотелось есть. Был окорок без корок. Почтовый номер двадцать шесть. Являлся в десять сорок. Я не замучиваясь, не Отирая свой разум, Устраиваясь на окне Подстать китайским вазам. Аршином каждым и вершком Прокалывая бурно, Кушмином стал я, и горшком, И амфорой, и урной. Наполнен влагой до ушей, Я рот набил сиренью. Как ассонанс, как окрик: — эй! Вошел в стихотворенье. Вошел, как поленец, как письмо Как приступ до удушья, Как полночь, бьющая в трюмо Припадком равнодушья. Вошел и вышел. И опять Вернулся и исchezну, Не отступая ни на пядь, Не отступая ни на пядь, Уйдя за тысячу веков, И возвращаясь к обеду, Заманывая в свой альков Шекспирову победу.

В НЕСКОЛЬКО СТРок

Сборник очерков, рассказов и стихов, посвященный предстоящему 50-летию Крестовского пароходоходного завода, выпускает Гименское районное издательство. В сборник вошли произведения С. Сарватова, И. Рождественского, Н. Устиновича, А. Туревича и др. Издательство нечл. Совета Мухомова «Чокча Валханов» на великом просветителе казахского народа — поэтине кустанайской области драматурга А. Сталинского.

Учителю Угитмуе было посвящено 14 декабря заседание сектора западной литературы Института мировой литературы им. Горького. О докладе выступил А. Сталинский.

Бронислава Н. Нушича «Алджер Навон», овещающая жизнь и литературную деятельность великого югославского драматурга, издательство Комитета по делам внешней школы.

Первый том талкожиско-русского словаря, подготовленный в стенах Института востоковедения совместно с талкожиско-филиалом Академии наук СССР, выйдя из печати, будет издан в клубе МГУ отряда принаглыды художественной литературы ССП СССР. С четким стилем произведений выйдут С. Мухомов, М. Слободской, В. Л. Голубович, Л. Лени, В. Ардов, Л. Никулин, В. Дыховичный и Е. Весенин.

Правда, надежда, свобода, он восклицает: «Таковы великие светочи, которые вставили перед взором Пеге. Так пусть же он их зажжет в небе Франции! В этом затуманном, загрязненном небе, в этом небе, закрытом ныне тяжелыми тучами, в самые тяжкие сумерки ее истории. И мы — не из тех, кто верит, что можно все изменить вихрем волшебной палочки. Какой бы занавес ни опустился над актом, который разыгрывается ныне, — он вскоре снова поднимется над продолжением трагедии. Худшая опасность, которая угрожает нашей маленькой западной Греции! — одряхлевшей и ослабленной, в новой эре мировых потрясений — заключена в ней самой в себе. Для того, чтобы выдержать натиск сил, которые обрушатся завтра на земной шар и грозят затопить нашу маленькую землю, нужно, чтобы лучшие ее сыны собрались, прошли суровую школу энергии, зажгли бы в себе те мужественные долброделты, которые создали Францию и от недостатка которых она умирает...».

Сквозь сумтные видения будущих миров, пусть потрясенный и Роллан простояют здесь весьма трезвые мысли. Разве так уж неправ был старый писатель, когда напоминал, что враги Франции находятся не только вне, но и внутри ее, и когда предостерегал против иллюзий, что опасность фашистской реакции может быть устранена с земли «взмахом волшебной палочки»?

Налет идеалистической отвлеченности, от которого не свободно вполне ни одно из произведений Роллана, очень явно окрашивает собой «Пеге». Но книга убеждает, что писатель до последних дней жизни остался тем, кем всегда был: гуманистом и демократом.

Эту тенденцию книги выражают приведенные Ролланом в заключение строки Пеге: Книга лавальника войск свершит свои дела, Пусть он с солдатами вернется в отчий дом, Пусть поработает и плугом и серпом. Пусть будет каждый день у человека хлеб. Пусть бьются заодно у всех людей сердца. Пусть бьются как олово, у всех людей сердца.

В заключительных строках книги Роллана звучит тревога за будущее Франции и человечества. Определяя основные моральные принципы Пеге формулой: «честь,

Редакционная коллегия: Б. ГОРБАТОВ, Е. КОВАЛЬЧИК, В. КОЖЕВНИКОВ, С. МАРШАК, Д. ПОЛИКАРПОВ, Л. СОВОЙЕВ, А. СУРКОВ (отв. редактор).